

ЧТО ВОЛНУЕТ ПУШКИНИСТОВ?

В прошлом году Всесоюзный фонд культуры (ныне — Российский международный фонд культуры) положил начало новой форме конференций, назвав ее «Международный «круглый стол»: пушкинисты Европы». Тогда же в Михайловском состоялась первая встреча такого рода, призванная интенсивно действовать консолидации мирового пушкиноведения.

В этом году «круглый стол» проводился 12—16 мая в Твери: на тверской земле немало памятных пушкинских мест. Созванный по инициативе названного фонда и Пушкинского общества, этот симпозиум собрал пушкинистов из России, ФРГ, Великобритании, Латвии, других государств; Украину в программе конференции представлял автор этих строк. Основная проблема нынешней встречи «Пушкин и Европа» в какой-то мере определила и круг докладчиков, и характер научной дискуссии. Свои приветствия и пожелания успешной работы конференции прислали председатель Пушкинского общества академик Д. С. Лихачев, видные зарубежные исследователи, по тем или иным причинам не имевшие возможности приехать в Тверь.

Газетная полоса — не место для хроникального отчета, назову лишь доклады, вызвавшие наибольший интерес у участников. Это, например, доклад профессора из Бирмингема (Великобритания) Энтони Бриггса о новых примерах творческого взаимодействия Пушкина с европейской культурой, или сообщение профессора В. С. Баевского (Смоленск) «Русский и французский языки в поэтическом сознании Пушкина». «Любовный бред» у Пушкина и Гоголя — так своеобразно назвал свой доклад об одном из пушкинских мотивов боннский профессор Рольф-Дитрих Кайль, председатель немецкого Пушкинского общества; добавлю, что Р.-Д. Кайль является автором новейшего перевода «Евгения Онегина» на немецкий язык — перевода, отмеченного престижной международной премией.

Были и доклады, вызвавшие у многих участников довольно резкое неприятие и критику. Это, например, сообщение молодого исследователя О. С. Муравевой (Санкт-Петербург) «Русский миф о Пушкине», слишком политизированное и категоричное в оценках выступление известного пушкиниста В. С. Непомнящего (Москва) показавшее далеко не бесспорным из-за настоячивого желания автора представить Пушкина христианским мыслителем по преимуществу.

Живая дискуссия продолжалась и после того, как были прочитаны все доклады, на заключительном заседании «круглого стола», которое вел заведующий отделом

пушкиноведения Пушкинского Дома профессор С. А. Фоминчев. В ходе обсуждения обозначились несколько особо острых актуальных проблем в кругу вопросов, связанных с восприятием Пушкина в Европе. Одна из таких проблем — несоответствие между истинным местом Пушкина в русской культуре и недостаточным знанием его творчества в западных читательских кругах. И нам, и нашим западным коллегам такое несоответствие представляется неправомерно затянувшимся, и речь шла о путях его возможного преодоления.

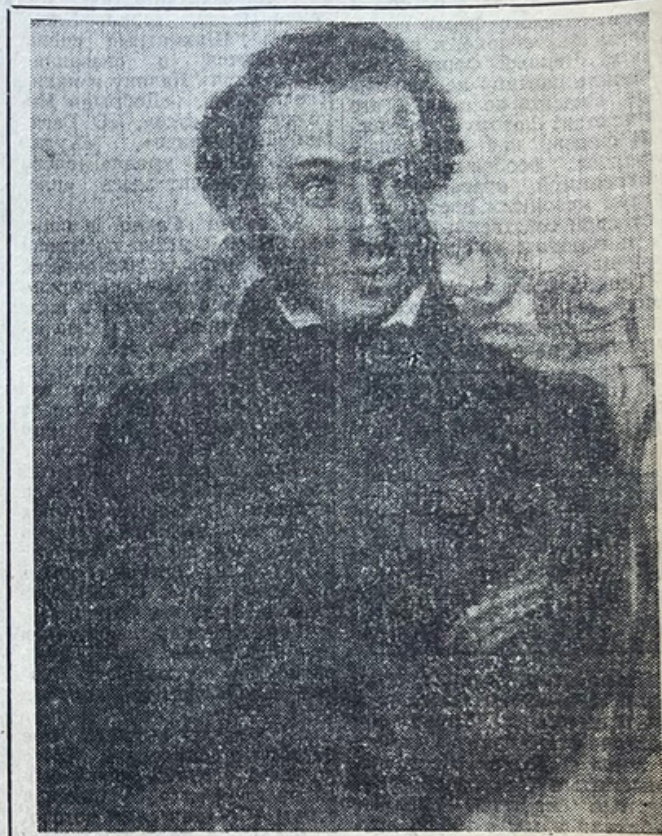
Уже более полутора столетий острой остается проблема «Пушкин в 1831 году». Интерпретация позиций поэта, связанных с польским восстанием, его стихотворений «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и некоторых других, обнаруживает полярные точки зрения, игнорировать которые никак нельзя. За «круглым столом» шла речь и о том, что во многих независимых государствах бывшего Союза «поостыл» государственный интерес к Пушкину, перестали функционировать отделения Пушкинского общества и т. п. В частности, отмечалось, что в Украине сегодня есть лишь два заметных центра, где не снижается интерес к Пушкину: Донецк, ставший средоточием научно-методической работы педагогов — пушкинистов, и Одесса, где продолжает регулярную работу Пушкинская научная комиссия Дома ученых, созываются пушкинские конференции, выходят труды о Пушкине и т. п.

Среди участников «круглого стола» преобладало мнение, что культурная разобщенность — дело временное, а Пушкинское наследие принадлежит к числу вечных ценностей, и цивилизованная, эстетически развитая личность, где бы она ни проживала — в Киеве или Кишиневе, Тбилиси или Вильнюсе, — все равно придет к Пушкину.

Хотелось сказать и о том внимании, которое уделили организации конференции хозяева тверской земли. На открытии «круглого стола» выступали «отцы города», благословляя его работу владыка — архиепископ Тверской и Кашинский. Работа пушкинистов органически перемещалась из Твери в Торжок, Берново, Малинки и прочие пушкинские места, к которым тверитяне относятся, несмотря на все трудности нашей жизни, с великой любовью.

Проходили наши тверские заседания в зале искусств областной библиотеки, в связи с чем позволяю себе маленькое отступление от «юбилейной» темы. В тверской библиотеке зал искусств — это действительно зал, где permanently экспонируются художественные выставки, где не стыдно предоставить место работе

самых представительных научных собраний. Глядя на все это, я с болью вспоминал нашу, куда более богатую по фондам, научную библиотеку имени Горького, уже несколько лет практически не функционирующую, и ее зал искусств с прекрасными сотрудниками, стоическими усилиями пытающимися компенсировать читателям неудобства скудного помеще-

ния и нескончаемого ремонта.

Прошу простить мне это отступление от Пушкинской темы к культурному настоящему нашего города. Но, с другой стороны, как не заметить этой связи! Вот ведь наши российские коллеги уже думают о грядущем 200-летию Пушкина, и российский Президент уже подписал постановление о праздновании и подготовке к этой дате. А у нас, одеситов, впереди два двухсотлетия: в 1994 году — двухсотлетие родного города, а пять лет спустя — Пушкинский юбилей. И трудно воспринимать оба этих события в отрыве друг от друга: они тесно связаны. Связь эта должна быть нами осознана и должна диктовать конкретные действия. Несмотря на «смутное время», нам необходимо укреплять пушкиноведческие традиции Одессы, способствовать появлению новых интересных пушкинских и пушкиноведческих изданий, проявлять действенную заботу о пушкинских местах нашего края.

Марк СОКОЛЯНСКИЙ.
Профессор Одесского университета.

«Там все Евро

6.

Наиболее информативные описания пушкинской Одессы находим в двух лондонских изданиях: «Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии» Р. Лайелла (1825) и «Путешествие по России и пребывание в Санкт-Петербурге и Одессе...» Э. Мортон (1830). Важно, что оба автора — серьезные ученые, члены целого ряда самых авторитетных научных обществ Лондо-

на, Эдинбурга, Манчестера, Москвы и т. д. Достоверность этих описаний не вызывает ни малейших сомнений.

Со свойственной ученым основательностью они указывают все литературные и прочие источники, какими пользовались при написании краткой истории Одессы ее статистико-экономического очерка и т. д. Надо признать хорошую осведомленность англичан в этом вопросе. Им известен «Опыт истории Новороссии» маркиза де Кастельно, «Письма» Шаля Сикара, словарь Всеволодского, книга их соотечественника Э.-Д. Кларка и др. Роберт Лайелл даже иллюстрирует текст известной трагедией «Одесса в 1823».

Говоря о книге Э. Мортон, нельзя не упомянуть об интересном ее фрагменте, связанном с Пушкиным. «Сей служитель муз, российский Байрон», — пишет автор, по-видимому, недостоверно, верно сумевший слышать услышанное от русских собеседников, — за свою «Оду к вольности», был послан императором Александром в Сибирь, где, если не вступление Николая